

УДК 781.7(=511.131)

К. И. Куликов

**ОСНОВОПОЛОЖНИК УДМУРТСКОЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ
ГЕРМАН АФАНАСЬЕВИЧ КОРЕПАНОВ (1924–1985)**

Если честно признаться, то я не знаю, какими словами можно дать самую точную, самую проникновенную оценку феноменального таланта непостижимого чудотворца и кудесника, каким мне представляется гениальный удмуртский композитор, классик национальной музыкальной культуры, основоположник удмуртской профессиональной музыки Герман Афанасьевич Корепанов.

Вот уже несколько десятков лет постоянно, то приближаясь, то отдаляясь, во мне внутренним звучанием живёт мелодия песни «Мон тодам ваисько» (Я вспоминаю тебя), услышанная ещё в далекие студенческие годы. Притом, по мере взросления, она приобретала всё новые оттенки, новое содержание. Порой при особом настроении, внезапно нахлынувшей грусти, она и теперь отражается жаркой волной в глазах и обручным спазмом в груди. Нет ни одной мелодии, так эмоционально сильно влияющей на моё душевное состояние, чем эта песня. Во

времена студенчества у нас была полная уверенность в том, что слова и музыка её народные. Только спустя более десятка лет, будучи уже партийным работником, я узнал, что слова принадлежат Ашальчи Оки, а музыка написана Г. А. Корепановым.

Позже, когда по служебным и творческим проблемам мне приходилось нередко встречаться с Германом Афанасьевичем, в основном в Союзе композиторов или моем обкомовском кабинете, я никак не мог отрешиться от противоречивого чувства, вызывающего во мне сомнения и вопросы: как мог такой фундаментально спокойный, чрезвычайно немногословный, глыбисто величавый сфинкс создать подобное чудо. Ведь чтобы сотворить такую музыку, нужно обладать не только памятно зорким зрением, проникновенным слухом, прежде всего необходимо всеобъемлющее знание души народа. И только просмотрев и прослушав другие произведения Германа Афанасьевича, несколько раз – оперу «Наталь», а потом Первую удмуртскую симфонию в исполнении Московского симфонического оркестра под управлением его главного дирижера – несравненно темпераментной Вероники Дударовой – я понял, что у Германа

Афанасьевича все эти качества живут в органичном единстве. За внешним спокойствием скрываются чрезвычайно чувствительная и ранимая душа и огромная, болезненно обостренная любовь к своему народу, и, конечно же, живым бурлящим родником прорывается дар Творца.

Моё вхождение в симфоническую музыку и постижение её началось именно с Первой симфонии Германа Афанасьевича. В ней всё необычно. Начало – с сумрачного вступления, и твоё воображение рисует высокую гору над спокойной водной гладью, отражающей в глубине глухой девственный лес, куда жрецы направляются тайно после вечернего омовения и смены всего одеяния на первородную одежду из белоснежного льняного холста, чтобы встретиться с небожителями и поведать им о своих бедах и печалях, страданиях своего народа, и просить внимания и покровительства. Вот они сотворили благостный молебен, трижды на прощание поклонились до земли и, удовлетворённые содеянным, вернулись в свою обитель, чтобы доложить сородичам, что боги по-прежнему их любят и не оставят без своего внимания и покровительства.

И началось в селении всеобщее ликование.

Но вдруг происходит резкий поворот, вернее – возврат к драматизму вступления. Праздник прерывается, наступают тёмные силы. Снова, как и во вступлении, сквозь множество звуков прорывается кларнет – плач разрываемого страданиями сердца. Тёмные силы терзают людей, губят их души. Идёт борьба сил Добра и Зла космического масштаба, полыхает огненными столбами ионосфера – справляет тризну северное сияние. И воображение приводит меня на историческую тропу нашего народа. Видятся драматические страницы Мултанского и затем – Лудорвайского дела, небывалое насилие над детьми природы – крестьянами. Глухой протест... Герд и Ашальчи Оки с обострёнными чувствами народного горя... Не случайно в симфонии звучат мелодии записанных Гердом удмуртских песен.

И всё же адепты Добра прогоняют роковые силы, вновь наступают идиллическое спокойствие и радость. И ты уже кружишься, качаешься в ликующем вальсе. Вновь возвращаешься к мелодии фольклорно-эпического празднества «*куно келян*» – проводы гостей. Только успокоилось сердце, только расслабилось тело – и снова наступают драматические времена. Теперь музыка, вызывающая новое воображение, приводит тебя в тёмную ночь, рисует жуткие картины прошедших лет: «Дело СОФИН», воронок у подъезда, трое в форменной одежде. Просыпается семья... Неменя от страха, наблюдает обыск в доме... Дети вкруговую прижались к матери... И вслед уводимому в неизвестную темноту отцу надрывным голосом кларнета плачет вся семья. Плачет народ вслед Кузебаю Герду, Трокаю Борисову, Михаилу Тимашеву, Константину Яковлеву, Ивану Бурдюкову и другим выдающимся сынам удмуртского народа, погибшим в застенках ОГПУ.

Тем не менее жизнь излечивает раны. Только память живёт неизменно. В заключительной части симфонии композитор, как мне видится, утверждает неизбежность позитивного поворота, надежду на возвращение Добра. Он не в обиде на Родину, несмотря ни на что, он хочет ей служить преданно и верно. Он верит в её доброе будущее.

На протяжении всей симфонии ты чувствуешь колоссальное напряжение. Твоё тело как бы одеревенело, пытаешься усилием воли расслабиться, но через несколько минут вновь ощущаешь себя в таком напряжении, как будто сейчас тебе предстоит прыгнуть в темноту бездонной пропасти.

Восхищаясь магическим звучанием музыки с множеством смысловых и эмоциональных оттенков, я чувствовал, что есть в ней другой, потаённый пласт личностного характера, и пытался постичь именно этот глубинный подтекст. Но на мои прямые вопросы Герман Афанасьевич отвечал уклончиво, многозначительной молчаливой улыбкой. И только спустя много лет я убедился в истинности своих предчувствий. В нём неотступно жило трагическое событие 1937 года – арест и безвинная гибель отца.

Ведя с Германом Афанасьевичем беседы на творческие и другие темы, я совершенно не знал о трудностях и проблемах, окружающих его жизнь. О тех страстях вулканического характера, живущих в его творческой душе. О тех унижениях, которые ему приходилось переживать в прошлом и настоящем. Он никогда об этом не говорил. И теперь, узнав о них только в период создания этого очерка, я живу чувством запоздалой вины перед ним, перед его светлой

памятью. Узнай всё это в тот период, данной мне властью я только одним твердым словом или росчерком пера мог бы многое устранить, во многом помочь.

Последняя встреча с Германом Афанасьевичем произошла в ГТРК «Удмуртия», в телепередаче, посвящённой памяти Флора Васильева. Мы были троим. Кроме Германа Афанасьевича, участвовал композитор Геннадий Михайлович Корепанов-Камский. Друзья-соперники Корепановы между собой беседовали весьма мило, шутили, смеялись. Геннадий был в своём амплуа: шумный, эмоциональный, порывистый. Герман вел себя, как всегда, сдержанно, но весьма дружелюбно. Внимательные, всё понимающие бархатисто карие глаза излучали ошущимое тепло, на лице появлялась и исчезала многозначительная полуулыбка.

Я, будучи в каждую минуту историком-архивистом и музейщиком, исключительно из благих намерений, совершенно неосознанно, допустил явную бестактность: обратился к режиссеру телевидения с просьбой сохранить запись этой телепередачи в золотом фонде телевидения и, с наивностью ребенка, аргументировал свою просьбу тем, что вот, совершенно неожиданно, мы потеряли своего друга Флора, что и с нами может в любую минуту всякое случиться, а образы моих коллег по нынешней передаче для нашего народа должны остаться в архиве на вечные времена. Откуда было мне знать, что пройдёт совсем немного времени и мои друзья один за другим покинут этот мир в одночасье, притом, будучи под наблюдением врачей в одной и той же больнице, как мне теперь видится, с её не совсем заслуженно раздутым авторитетом. Мне думается, будь они в Четвертой республиканской больнице советских времен, трагического исхода бы не было.

Мы, к сожалению, никаким образом не можем повлиять на свою судьбу и гибель выдающихся представителей нашего народа. Мы только сокрушаемся, что Жизнь в очередной раз вынесла свой совершенно несправедливый приговор и наш долг теперь состоит в том, чтобы донести до нынешних и грядущих поколений тот светлый образ, которым был одарён наш народ в лице Германа Афанасьевича Корепанова.

* * *

Родился Герман Афанасьевич 30 июля 1924 г. в с. Селты Вотской автономной области в крестьянской семье. Высокая художественная одарённость его проявилась уже в ранние годы. Музыку он осваивал в Доме художественного воспитания детей, а стихи, рассказы и повести писал в укромных уголках отцовского дома. Ему исполнилось всего 13 лет, когда был репрессирован его отец. Незаживающая рана в сердце осталась на всю жизнь. Больше всего угнетало то, что вокруг него днём и ночью пели осанну этой власти, а он знал, что она несправедлива и жестока, и об этом никому невозможно было сказать и даже думать. Оказывается, страшно тяжело замыкаться в собственном мирке, держать в запертом виде свои думы и чаяния, особенно тогда, когда твоя душа, нацеленная на творчество, рвётся ввысь, требует открытого пространства и публичного самовыражения. Но он учился этому упорно. И только своему дневнику он доверял потаённые мысли.

28 ноября 1940 г. (Он в это время учится в ижевской средней школе № 24 и ему всего 16 лет. – К.К.). Вторую неделю пишу рассказ. Заголовок ещё нет. Но... это ерунда.

1 декабря 1940 г. Собираюсь идти в литературный кружок. Уже на третье заседание. Пропускать ни одного не охота. Главное – там все русские писатели Удмуртии. Они и критикуют. Хочу почитать сегодня свою «Октябрьскую песенку» и рассказ о поджигателе (не знаю даже, как озаглавить). Очень охота писать оперетку. Но нет либретто. Самому же писать неохота. Разве что в лит. кружке сказать кому?

17 декабря 1940 г. После прочтения книги «Мусоргский» из серии ЖЗЛ Герман Корепанов узнаёт, что Вольфганг Амадей Моцарт в 14-летнем возрасте написал оперу, а Ференц Лист в этом же возрасте поставил свою оперу на сцене, пришел в крайнее волнение и написал в дневнике: «Прочитав это, я, просто выражаясь, обессилел. А ещё оперу писать собирался! Да где тебе!».

23 декабря 1940 г. Готовил географию, ибо у меня по ней стоит «плохо», в то время как свободно мог бы заняться музыкой, занятием, которому я отдаю всю душу. После уроков

остался в школе. Решил показать написанную мною музыку для «Паруса» Лермонтова... Но там был другой «Парус», знаменитого композитора, по сравнению с которым мой «Парус» оказался слабоватым. Почему у меня пусто на душе? Когда я пришёл из школы, мне даже слышать музыки не хотелось. Вообще, как только у меня не выйдет песня, я теряюсь, думаю, что всё пропало... Нет, не выйдет из меня композитора! И писателя тоже!

Но проходит некоторое время. Душа максималиста-юноши успокаивается, и он обретает уверенность в себе и, словно заклинанье, словно обет, пишет новые слова: «Но я пересилию себя! Я буду работать...».

Душа юноши порывиста. С одной стороны в нём живет и крепнет независимое творческое начало, с другой – терзают неопытность и боязнь потерпеть неудачу и опозориться. Он хочет постичь обе музы, но терпит неудачи и там, и тут; огорчается и страдает: «Наверно из моей затеи стать композитором ничего не выйдет! Что ж, что у меня вертятся в голове мелодии? Они оказываются никудышными, шаблонными, и я не умею писать. Не лучше ли бросить, пока не поздно. А то ведь и опозориться можно. Вчера переделал свой рассказ, начал переписывать начисто. Покажу на следующем собрании литературного кружка. Будь что будет! Валиться, так валиться, и по музыке, и по литературе».

16 января 1941 г. Сегодня у меня урок музыки. Я не готов. Совершенно не готов! И дурак... Лень заедает. Мама заметила мне вчера, что я ленив, и спросила: «Если бы я так стала лениться, что бы с вами сделалось? И вы бы шпана были, и дом бы в хлев превратился!».

31 марта 1941 г. Пишу вторую песнь научно-фантастической поэмы «Затерянный мир».

10 апреля 1941 г. Вечером получил письмо от М. Петрова, сообщающее, что мой рассказ «Поджигатель» одобрен рецензентами и предполагают издать в № 5 журнала «Молот» за этот год. И, зачем-то, пригласил меня поговорить с ним. Нужно сходить. То-то радость! Я вступаю на поприще литературы!

За рассказ «Поджигатель» он получил поощрительную премию на Втором Всероссийском детском и юношеском литературном конкурсе. Почётная грамота подписана председателем жюри Корнеем Чуковским. В журнале «Молот» рассказ был напечатан под названием «На рассвете» в самый канун войны.

30 мая 1942 г. (из письма родным). Я сейчас страдаю. Не могу оставаться спокойным ни к какой музыке. Так и выворачивает всё. Кажется, я готов променять на неё что только в моих силах. При её звуках кровь точно бесится, так и мчитя по сосудам. И я тороплюсь. Тороплюсь осилить гармонию, инструментовку, полифонию, контрапункт, чтобы самому, наконец-то, стать композитором. И я вне себя, когда не могу достать учебников. Сейчас я пишу концерт для скрипки с фортепьяно, песни, этюды для фортепьяно. И тороплюсь, тороплюсь окончить нужное музыкальное образование. Десятый класс окончен. В мирное время я подал бы в консерваторию. А теперь... Осенью – в артиллерийское училище. Так-то!

Так Герман становится курсантом Ленинградского Краснознаменного артиллерийского технического училища, эвакуированного в Ижевск и разместившегося в здании Удмуртского государственного педагогического института.

27 декабря 1942 г. *Стоят жуткие морозы. Под Сталинградом идут жуткие бои. Шестая армия Фельдмаршала Фридриха фон Паулюса окружена. В котле 130 тысяч некогда отборных войск. Выдающиеся мастера прорыва линии фронтов генералы Гудериан и фон Гот отчаянно пытаются прорвать кольцо окружения. Молодые курсанты, словно локаторы, ловят сводки Совинформбюро. Их сердца готовы вылететь из горячей груди. Они жаждут принять участие в этих решающих боях. Юноши в порывах дерзновенны, желания и помыслы их благородны. Они уверены, что после Сталинградской битвы немец больше не поднимется и война кончится. Им же не удастся проявить себя в служении Родине. Но Родина к ним относится бережно. Преодолена ещё только половина учебного курса.*

(Из письма Л. Морозовой) Сегодня у меня выходной. Весь наш взвод заступил сегодня в наряд, а меня оставили по причине, известной только самому Богу да нашему помкомвзводу. Поэтому я сижу сейчас в парткабинете, глотаю стихи, жую рассказы и рассказыки (вернее, рас-

сказёнки) и думаю о том, удастся сегодня побывать дома или нет?... Музыкаю я сейчас не занимаюсь совершенно, только слушаю радио. И так хочется снова увидеть Анжелику Михайловну, побывать у неё на уроке, посидеть перед фортепьяно!

Выпускников артиллерийского училища молодых лейтенантов в большинстве своём направили на Дальний Восток, где бои ещё не шли. Герман Корепанов стал начальником Бригадной артиллерийской мастерской. И это для него стало очередным испытанием. Творческая душа не могла удовлетвориться в её стенах, в кругу смертоносного металла.

2 августа 1943 г. Вчера слушал отрывки из произведений Бетховена и Моцарта. И так захотелось скорее попасть в консерваторию, изучить гармонию, контрапункт, полифонию, чтобы самому писать подобные же произведения...

16 августа 1943 г. Часто вспоминаю дом. Вечерами смотрю на огни Бикина и они отсюда, с окраины, напоминают чем-то огни Ижевска. Грусть наполняет душу, хочется не то плакать, не то беситься... Не могу слушать равнодушно и музыку. Что-то творится со мной невообразимое, когда слушаю или Чайковского, или Глинку, или Моцарта. Но когда я слышу Баха – всё во мне переворачивается. И если бы я его встретил, будь он живой, я бы, вероятно, стал молиться на него, как на Бога... Хочется скорее овладеть теорией музыки, и писать, писать, писать! Я чувствую в себе какие-то могучие дремлющие силы, но не могу им дать выхода! О, если бы я мог!

14 ноября 1943 г. Я лежал в темноте и, закрыв глаза, слушал свой концерт h-moll, который с поразительной четкостью и ясностью звучал у меня в голове. Тут была и первая часть, почти такая же, как я её написал, немного изменённая, без бравурного конца, имеющая несколько модуляций; тут была и вторая часть – светлая, нежная, прекрасная полувосточная мелодия; и третья, бурная часть, в которой скрипка и фортепьяно выступали как равноценные исполнители. Эта часть состояла из изменённой первой и бурной [частей], которые постоянно перемежались между собой. Было очень интересно слушать, как на фоне скрипки, исполняющей певучую тему первой части, фортепьяно в мрачном бешенстве проносило тему третьей части, и наоборот. А как замечательно звучало соло скрипки! Я открыл глаза всё ещё в изумлении... «Вот так надо написать!» – пробормотал я. Если бы я был композитором, я тут же бы записал всё это. Но я не был композитором и (в который раз) пожалел об этом. Странно то, что такие вещи случаются со мной не всегда, а лишь тогда (как я заметил), когда я либо болен, как это случилось на сей раз, либо же в мрачном расположении духа, как это несколько раз случалось со мной в Ижевске, где я однажды, в полубредовом состоянии, прослушал целую свою симфонию.

Без даты. 1945 г. (из письма домой). Свободного времени имею в достаточном количестве. Занимаюсь в эти часы только музыкой. Как я писал в предыдущем письме, знакомство моё с духовым оркестром подвигается вперед быстрыми шагами. Написанный мною вальс «Мечты красавицы» счастливо подвизается на танцевальной площадке, вызывая неистощимые похвалы. Но это не всё... Репертуар наших музыкантов пополнился с тех пор такими «сокровищами мировой музыки», как новыми произведениями великого Корепанова, например, вальсом «Ночная серенада», танго «Моя любовь» и «Мама». Намечаются к выходу один вальс-бостон, одна полька и два фокстрота. Как видите, дело приближается к тому решительному моменту, когда целый вечер на танцплощадке будет звучать музыка вышеназванного уже великого композитора, композитора молодого, самонадеянного, честолюбивого. Может быть, у вас возникнет вопрос: для чего этот человек связался с «легкой музыкой», ибо всем было известно, что он до сих пор ценил лишь ту, «при звуках которой хочется снять шляпу». О! Стоит ли говорить? Для меня сейчас не играет никакой роли содержание моих музыкальных произведений. Важно лишь одно: овладение техникой письма для оркестра и, по пути, основами гармонии и контрапункта. Исполнители и местные слушатели требуют только одного: танцев, танцев, танцев! Я пошёл на это. Я обязался написать определённое количество всевозможных танцев, нужное для заполнения целого вечера. Только и всего. И этим я занимаюсь в свободное от работы время. Книг сейчас почти что не читаю. Изучаю автомашину, уже несколько раз имел счастье сидеть за рулём и самолично вести машину. Дело это мне дается легко и быстро.

29 сентября 1945 г. *Запись в дневнике в этот день связана с тем, что советские войска молниеносным ударом сокрушили и повергли в прах всю Квантунскую армию японцев. Герман Афанасьевич участвовал в боевых действиях. Он пишет: «...Живу неплохо. Побывал и Маньчжурии и в Корее... Жаль только, что поленился с первых дней войны вести дневник... Я снова переключился на литературу. И чёрт знает что такое? То музыкой, то литературой? Никак не могу остановиться на чём-нибудь определённом. Хочется быть полезным Родине, сделать что-нибудь крупное. И – мечусь. Не знаю, с чего начать. Впрочем, это пройдёт. Сейчас я готовлю сборник рассказов о боях в Маньчжурии. Три рассказа уже написал; по моему плану нужно написать ещё два. Пишу с восторгом. Легко пишется. Сам был свидетелем, сам всё видел, пережил.*

Вальсы мои уже играли в Маньчжурии, и в Корее, так сказать, “исполняли за границей”. Люди, ездившие недавно в Россию, рассказывают, что слышали их в нескольких городах Дальнего Востока: музыкантам нравится, они переписывают их друг у друга. Чёрт с ними. Пусть играют! Хотя и несовершенны звуки, написанные мною, но всё же, что там ни говори, всё больше. Есть какая-то новость в музыкальных звуках».

4 октября 1945 г. Писаниной нот я сейчас перестал заниматься и, может быть, навсегда. Не по моей это отрасли. Я не кончил даже музыкальной школы, не говоря уже о более высшей ступени – консерватории. Над каждой проклятой кляксой приходится думать, мазать, и ко всему этому неизбежно, точно тень за человеком, привязывается мандолинка: я не умею без нее толком записать на бумагу несколько мелодий подряд, что требуется для писания партитур. Я не знаю ни сольфеджио, ни контрапункта, ни оркестровки, и те вещи, которые я написал, не зная ни того, ни другого, ни третьего, созданы всего-навсего благодаря моему музыкальному слуху, на котором я проехал уже чёрт его знает сколько. Мне нужно образование – его у меня нет. А без такового не обойтись.

16 января 1946 г. Какое подавленное настроение! Всё кажется мрачным, угрюмым, ни на что не хочется смотреть. Хочется лечь, закрыть глаза и уснуть, – уснуть крепким сном, надолго, надолго забыться, ни о чём не думать, ни о чём не заботиться... Но это невозможно. Я – командир муз. взвода, капельмейстер 72 Краснознаменного механизированного полка. Я – «Моцарт» и мои подчиненные – «лабухи». До сих пор ещё не могу привыкнуть к этому положению, до сих пор удивляет меня мысль о том, что я, человек, не смыслящий в оркестре и дирижёрстве, дилетант в музыке, далеко не выдающийся самоучка, я, человек, который, вероятно, вообще-то неспособный не только к музыке, но и к любому умственному труду, – я попал на должность капельмейстера! Боже мой, как это могло случиться!? Правда, я мечтал о том, чтобы уйти с насиженного мною в течение трех лет места оружейного техника. Правда, я мечтал о том, чтобы всецело обратиться к литературе и музыке, но я никогда не подозревал того, что всё может обернуться так быстро, почти мгновенно, будто в сказке. Случилось то, о чём я мечтал много лет. Кажется, мне нужно радоваться, нужно с восторгом погрузиться в желанное дело, окунуться в него с головой и... я так и сделал в первые дни. Но только в первые дни. Я не могу продолжать дальше. Я не имею на это сил, не говоря уже о способностях, в которых я сомневался и раньше. Только учёба, упорная и напряженная учёба может выручить меня, поможет выкарабкаться из той ямы, в какую бросился я, зажав глаза, не ведая о той грязи, какая находилась на дне её. Но здесь нет учебников, нет пособий. Люди смотрят на меня, их указательные пальцы останавливаются на моей фигуре. Они с надеждой говорят: «Он многое может сделать! У него – талант...». И я с тоской вопрошаю себя: «Где он, где он этот самый талант?! Откуда он взялся? Почему его видят люди, но не я, хотя он и есть, быть может, во мне!». Ищу и не нахожу... Не на-хо-жу! Нет его и, пожалуй, не было! Это сказка, выдуманная мною и подхваченная окружающими. Не больше. Благодаря этой сказке со мной и произошли те замечательные вещи, о которых теперь я вспоминаю с содроганием.

Очевидно, это было время большого перелома в его душе. Он дошёл до такого состояния, когда человек ищет хоть какую-нибудь опору или хватается за спасительную соломинку: «Создатель! Дай мне силы преодолеть испытания наступающего дня! Научи не терять надежду и веру, влей в меня уверенность и бодрость, отведи подальше напасти и невзгоды, ненависть и за-

висть, укрепи во мне любовь и жажду жизни!». В трепетном волнении он ожидал наступление очередного дня, боясь, что он опять принесет неприятность. Особенно угнетало его то, что всевидящее око и всеслышащее ухо карательных органов зорко следило за ним. Он пытался убедить себя, что этого нет, что этого не может быть. Но действительность убеждала в обратном.

19 февраля 1946 г. Ну, что ж! В триста тридцать третий раз в своей жизни начинаю я завести дневник!.. Так уж складываются события, так уж течёт жизнь, что нет возможности вести какие бы то ни было записи. И не таковы мои мысли, чтобы можно было доверять их бумаге. Я не говорю комплименты самому себе. Да и к чему это делать. Что было то было, и никакими силами нельзя скрыть того, что эти дневники (будь они прокляты во веки веков! Аминь...) не раз и не два раза подводили меня. Нельзя, конечно, предполагать, что за мной следили. Это смешно. Это – неправдоподобно. Но как бы то ни было там, каждый мой дневник обязательно попадал к начальству. Меня вызывали в штаб, и – начиналось чтение морали, что, надо сказать прямо, всегда действовало удручающе, и никогда не было по моему вкусу. Страсть, как не люблю моралей! Одна лишь мысль при возможности этой случайности повергает меня в духовный трепет, и все мои чувства протестуют по мере своих возможностей. Стоять как свечка? И перед кем? Перед начальством? Упаси, меня, Боже, от такой страшной напасти!

22 мая 1946 г. (из письма домой). Я по-прежнему живу музыкой. День-деньской занимаюсь нотными кляксами, учусь, разбираюсь, изредка сам пописываю, но только изредка. Всё, что я пишу, меня не удовлетворяет, и потому я берусь за перо только в тех случаях, когда становится просто невтерпёж, когда звуки так и рвутся наружу и не дают покоя. Тогда ничего не поделаешь, и, чтобы облегчиться, списываю эту вереницу нот на бумагу, оркестр исполняет, а потом мне даже вспомнить не хочется об этом. Большинству нравятся мои произведения, но в дальнейшем я остаюсь равнодушным к ним. Слава богу, я дал им жизнь, и пускай гуляют по белу свету, утешают людей в трудные минуты и веселят их душеньки. Мне больше нет до них дела.

6 июня 1947 г. Итак, всё же решил приняться за дневник. Нужно, нужно, да и давно пора! Ведь так много на свете молодых людей, и такое количество их записывает на бумагу (которая, как известно, всё терпит) высокие, низкие, великие, никчёмные, ангельски чистые и до безобразия грязные события и мысли, что отставать от них просто не стоит. Будь гражданином своего века, сыном своей эпохи! Как ты реагируешь на окружающую тебя жизнь, какие уроки берёшь из совершающихся вокруг событий, и что ты есть такое? Ответь, пожалуйста, не поскупись на слова. Физиономия твоя – бесцветна. Но не по физиономиям судят людей, а по их поступкам.

* * *

Мы проследили всего шесть лет из жизни неординарного во всех своих проявлениях человека. Но какие это были годы! Время физического и духовного роста, формирования характера человека. Конечно же, он чрезвычайно индивидуален: честолобив, амбициозен, непомерно одарен разными способностями, и по мере взросления в нём появляется саркастическая самоирония, даже самобичевание. В то же время сквозь его призму, как в капельке росы, преломляется сияние солнечного света, так чистейшим образом отражаются самые существенные качества характера удмуртского народа, который, прожив много веков в условиях социального, политического, экономического подавления, бытового унижения, находясь на самой низшей ступени социальной пирамиды российского общества, выработал в себе особый менталитет: с одной стороны, в нём неизменно живёт чрезвычайное упорство в противостоянии силам тьмы, в преодолении жесточайших жизненных испытаний, жизнелюбие, чувство собственного достоинства; с другой стороны, он всем своим натруженным существом ощущает дискомфорт, робость, затруднение и даже неуверенность в выборе судьбоносных решений. Нередко впадает он в депрессивное состояние и даже в отчаяние, прибегает к крайним мерам, но наказывает своего противника и обидчика через самонаказание. Это, утверждают специалисты, во многом обусловлено отсутствием исторического опыта самоуправления народа в условиях царской власти, чувством «одиночества среди людей». «Удмурт не умеет нагибаться и опускаться на колени, – утверждает этнограф профессор В. Е. Владыкин, – он ломается».

* * *

В 1947 г., через пять лет службы в армии, Герман Афанасьевич прибыл домой. Ему 23 года. Пора обзаводиться семьёй. Людмила Николаевна стала единственной и верной спутницей жизни, самой главной и надёжной опорой на все времена. С обострённым чувством любви и преданности она была рядом с ним в любое время, принимала деятельное участие во всех его творческих исканиях, победах и поражениях.

В этом году в жизни Германа Афанасьевича музыка одержит победу над литературой, и он напишет свою знаменитую песню «Мон тодам ваисько». Она за считанные дни разлетится и войдёт во все удмуртские селения. В этом же году он выдержит экзамены в Ижевское музыкальное училище и поступит на службу в хор Удмуртского радио.

Через 13 лет после возвращения из армии Герман Корепанов создаст главное произведение своей жизни – оперу «Наталь» – и увековечит свое имя в истории удмуртского народа на все времена. Значение этого события трудно переоценить. Народ, имеющий в своей музыкальной культуре только фольклорные формы, перескочил в своем развитии несколько столетий и встал в один ряд с теми народами, которые достигли такого уровня уже 200–300 лет тому назад.

Известный критик-музыковед Юрий Львович Толкач, прекрасно знающий творчество Германа Афанасьевича, пишет об этой опере: «“Наталь”, с одной стороны, вырастает из синтеза двух линий русской оперной классики, связанных как с народными драмами и историческими полотнами М. Мусоргского и А. Бородина, так и с лирико-психологическими полотнами П. Чайковского, а с другой – музыкальный язык оперы вобрал в себя самую суть удмуртской народной песенности. Причём обильное использование подлинных мелодий и их оборотов не приводит к ощущению цитатности – они в полном смысле слова становятся авторскими, получают гибкое развитие, а оригинальный композиторский материал настолько впитал органику народного музыкального мышления, что воспринимается как естественное продолжение фольклорных напевов» (Герман Корепанов. Симфония № 1 «Удмуртская». Ижевск: Удмуртия, 2005. 300 с.: илл.).

Пленительна, выразительна, привлекательная, полная самобытности и живых образов музыка оперы «Наталь». Как бы мы ни искали в ней какие-то погрешности или просчёты автора, нельзя не увидеть, как превосходна и значительна вся её постройка, как крепка и добротна она во всех своих звеньях, мизансценах, как она свободна и раскованна композиционно. Всё, что открывал и отбирал автор, было новым знанием о людях, живших в описываемое время. Об их мыслях, страданиях, горечи и стойкости, душевной красоте и величии. В «Натали» совершена разработка диалектики души, вскрыты внутренние противоречия самого цельного и мощного характера.

Через эту оперу мы понимаем, что страдания души молодого автора были не напрасными. В глубинах сознания, терзаемого сомнениями, зрели мощные импульсы творчества, способные преодолевать любые жизненные препятствия. Неудовлетворённость диалектически превращалась в высочайшую требовательность. Автор понимал, что перед тем, как выставить своё произведение на суд народа, надо суметь самому стать над этим произведением самым жестоким судьей. И потому стои́крат счастлив бывает художник, который, идя сквозь время вровень со своим веком, всегда находится в поиске, в новых планах и начинаниях. Вместе с тем он всегда потаённо и радостно ощущает своё произведение. Ушло то время, когда он писал в дневнике, что после того, как он напишет и сдаст оркестру, это детище больше его не интересует. Теперь он любил свои произведения, с львиным рыцарством готов был их защищать. Он знал себе цену. И не допускал саркастической иронии в отношении своей природы, как это было более десятка лет тому назад.

Первооткрыватель, он сразу обречен на долгую жизнь в отечественной музыкальной культуре. Сколько бы ни появилось новых произведений, как бы хороши и выразительны они ни были, этот подвиг Германа Афанасьевича никогда не забудется.

Проходит всего три года, и Герман Афанасьевич представляет на суд слушателей необыкновенную, неистовую Первую удмуртскую симфонию, подтвердив Истину о том, что «В науке нет столбовых дорог и только тот может достичь её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам» (К. Маркс). Через отчаяние, неверие в свои силы,

насилие над собой, он преодолевает себя и создаёт чудо. Поистине, – путь «сквозь тернии – к звездам».

Далее пойдёт титанический труд, результат которого – две оперы, две симфонии, скрипичный концерт, фортепьянная соната, хоры, романсы, песни... Всё это – впервые в удмуртской музыке. Всё необычно и талантливо. Ему принадлежат лучшие произведения удмуртской музыкальной культуры, отличающиеся развернутостью формы, глубиной содержания, богатством фактуры. Он глубоко постиг всемирный закон жизни: «Если хочешь, чтобы тебя любили, – люби!». Его наследие – это учебник жизни. Он учит любить народ. Любить страстно, самозабвенно и бескорыстно. Любить высокие ценности народной культуры и ненавидеть презренных холуев и приспособленцев, кощунственно предающих ради своих низменных выгод народные интересы. Не питал он особой любви и к своим непосредственным начальникам. «День пропал», – написал он в своём дневнике после двухчасового «инструктивного» заседания с пустопорожней болтовней у министра культуры.

А к друзьям и коллегам по скрипичному ключу Герман Афанасьевич относился трепетно и нежно. Его дом всегда был открыт для них. Когда Геннадий Михайлович Корепанов-Камский приехал в Ижевск по окончании консерватории, у него не было квартиры, и Герман Афанасьевич пригласил его жить к себе. Приходили поэты и писатели, артисты и начинающие композиторы. И он подолгу занимался с ними. Не проходило недели, чтобы не бывало у него Николая Шкляева, Михаила Коробова. Нередко встречался он и с Геннадием Матвеевым. Герман Афанасьевич по-отечески пестовал молодых композиторов, радовался их успехам. Порой весьма сырые их работы доводил до высокой кондиции и наотрез отказывался от предложенного соавторства. Все авторские сборники самодеятельных композиторов того времени: Матвеева, Новожилова, Сулягина, Шкляева и других – прежде чем увидеть свет, были переработаны Германом Афанасьевичем. Перед их изданием он практически заново переписывал ноты песен.

Молодые композиторы отвечали взаимной любовью и преданностью, открыто восхищаясь его талантом. Он был первооткрывателем и служил примером для других. Ему принадлежат первые в удмуртской музыке образцы инструментальных миниатюр. Он автор первой удмуртской фортепьянной сонаты. Он родоначальник удмуртского романса. А как тепло и нежно относился он к детской музыке! В разные годы был артистом и дирижёром хора Удмуртского радио. Долгое время он был членом Правления Союза композиторов РСФСР и членом комиссии по присуждению Государственных премий РСФСР. Думается, что главные его произведения вполне могли быть выдвинуты на государственную премию России. К сожалению, Министерство культуры Удмуртии так и не удалось это сделать. Более того, с определённого времени оно стало в особую позицию к композитору, в чём, возможно, сыграла роль односторонняя информация о Германе Афанасьевиче, исходящая от вхожих в высшие инстанции «друзей»-соратников. Сам же он сторонился власть имущих, тем самым невольно помогая своим недоброжелателям в создании изоляционного блока вокруг себя.

В 1956 г. Герман Афанасьевич стал «свободным художником», будучи уверенным, что его произведения, востребованные народом, Министерство культуры будет закупать и ставить на сценах театров, а также использовать в других средствах массовой информации и культуры, прежде всего – на радио, а потом и в телевидении, которое в Ижевске начало работать в 1957 г. В первые десятилетия в основном всё шло неплохо. Работала комиссия Министерства по приёму творческих работ. Средств на содержание семьи хватало. Именно эти годы стали самыми продуктивными в жизни композитора. Но в начале 1970-х гг., после создания Союза композиторов Удмуртии, произошли существенные изменения: теперь оценка творческих работ композиторов происходила в Союзе. Как известно, по настоянию областного комитета партии из Казани, по рекомендации ректора Казанской консерватории Н. Жиганова, в Ижевск были приглашены три молодых выпускника: Леонид Васильев, Юрий Болденков и Александр Руденко, вскоре принятые в Союз и занявшие в нём ведущее положение, особенно при оценке творческих работ. Герман Афанасьевич бывал ошеломлён и подавлен оскорблениями и унижениями, которым подвергали его молодые «гении», оценивая свои произведения по высшей 5-й шкале,

а его произведения – по низшей, 1-й шкале. Разумеется, при этом маститому композитору гонорары выплачивались на несколько порядков меньше, чем молодым. И самым обидным было то, что его коллега Геннадий Михайлович Корепанов-Камский при этом расписывался в своём бессилии и не пытался отстаивать интересы фактически ведущего композитора Удмуртии. Основным аргументом «оценщиков» было то, что у Германа Корепанова нет высшего профессионального образования.

Возникли материальные проблемы: надо было платить за квартиру, за детский сад, музыкальную школу; кормить и одевать семью. Для любого трудового человека унижен и оскорбителен недостаток средств жизни, а для творческого – втройне! Расшатывались нервы. Началась жуткая бессонница. Сестра Германа Афанасьевича фармацевт Зелида, работала в 1-й, затем – 100-й аптеке, была вся в тревоге: приходилось доставать самые сильнодействующие снотворные препараты.

Герман Афанасьевич стал всё больше замыкаться в себе; бывало, его замечали в нетрезвом состоянии, что тоже немедленно использовалось против него. Однажды он обратился к председателю профсоюза работников культуры А. А. Гребину с просьбой выделить себе и жене путёвки в южный санаторий. Гребин выполнил просьбу и сообщил об этом председателю Союза композиторов, в надежде, что тот обрадуется. Но председатель категорически запротестовал: «Разве можно! – восклицал он, – подведет тебя, меня и себя, а расхлебывать нам. Не оправдаемся перед обкомом партии». Профсоюзный лидер смалодушничал, отказал в путёвках и до сих пор, как сам признаётся, чувство вины тяжёлым камнем лежит на его душе. Это был только один из многих ударов ниже пояса, которые получал в то время Герман Афанасьевич.

И всё же были светлые моменты в жизни. Герман Афанасьевич безмерно радовался успехам своего сына Александра – студента консерватории. Похоже, что он пойдет по его стопам: сочиняет музыку! Но как тяжело обходится его учёба. Не хватает денег даже оплачивать жильё. Герман Афанасьевич пишет статьи в газеты и журналы. Гонорары все посылает сыну.

Но вот сын вернулся домой – и в жизни Германа Афанасьевича наступил новый период. Он возобновил работу над оперой «Мятеж» – о драматических событиях гражданской войны в Удмуртии. Трудно было найти либреттиста. Верная спутница его жизни жена Людмила Николаевна, обладающая литературными способностями, изучив документальную основу, написала либретто. Сын Саша тоже подключился к работе. Герман Афанасьевич работал с упоением: это приносило ему огромную радость. И даже то, что вскоре появилась оперетта «Азин» Геннадия Михайловича Корепанова-Камского о тех же самых событиях, того же самого периода, не доставило ему огорчения.

В процессе работы встретилось много всяких трудностей, искусственно возведённых препятствий, но это тоже его не остановило. Семья стала творческой группой – своеобразной лабораторией. Любые недоразумения или проблемы решались коллективно. Так счастливо композитор не работал ещё никогда. Но, как утверждает Александр Германович, если бы не Эрих Викторович Розен, тогдашний главный дирижер, опера бы не увидела свет. Он пригласил замечательного режиссера О. Т. Иванову, ученицу Покровского, а также художников сцены и света, и получился замечательный спектакль. Премьера состоялась 4 апреля 1980 г.

Пока творческий человек жив, лучшее его произведение представляется ему ещё не созданным. В глубинах его сознания это произведение исподволь вынашивается, неотступно будоражит его воображение, формируется и выстраивается. В планах Германа Афанасьевича было немало произведений эпического плана. Теперь он уже чётко сознавал своё место в истории своего народа, своей Республики. Идя сквозь время, вровень с веком в исканиях и находках, он потаённо радостно ощущал значение своих произведений и истинное своё предназначение. И он зримо и чувственно ощутил, что к нему, наконец-то, пришла счастливая и редкая особенность, придающая энергию цельности и мужества перед лицом творческих неудач и жизненных невзгод. И всё стало осмысленно, всё будущее творчество было собрано и пронизано общей идеей, всё существо его двигалось к одной высокой цели. Вся душа его парила в сладостном полёте.

Но полёт был прерван. Опера «Мятеж» и Вторая симфония стали последними крупными произведениями композитора.

Утром 13 апреля 1985 г. Германа Афанасьевича не стало. Ему было всего 60 лет.

– О, если бы я мог! – слышится мне его восклицание с вышины Мироздания. – О если бы мы могли! – надрывное чувство безвинной вины раздирает моё сердце.

Постпила в редакцию 07.02.2018

Куликов Кузьма Иванович,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: margrig45@mail.ru

K. I. Kulikov

The founder of the Udmurt professional music German Afanasyevich Korepanov (1924–1985)

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 1, pp. 165–175. In Russian.

Received 07.02.2018

Kulikov Kuzhma Ivanovich,
Doctor of Science (History), Leading Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: margrig45@mail.ru